

Предисловіе.

Въ исторіи бывали и бываютъ эпохи, когда все общество или значительная часть составляющихъ его классовъ расположены къ оптимизму, когда люди готовы воскликнуть: какое счастье жить!

Въ такіе періоды искусство и литература также проникнуты безоблачно-свѣтлымъ настроеніемъ, такъ какъ они, вѣдь, не что иное, какъ идеализированное и потенцированное отраженіе жизни: міръ воспроизводится тогда въ нихъ, какъ радостный праздникъ, люди похожи на боговъ, все пронизано солнцемъ, дышитъ красотой, обвѣяно радостью.

Въ исторіи бывали и ~~бываютъ~~ и эпохи противоположнаго характера, когда все общество или извѣстные его классы смотрятъ на міръ глубоко пессимистически, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Въ такіе періоды искусство и литература естественно окрашены въ другой цвѣтъ. Жизнь изображается въ нихъ, какъ каторга или застѣнокъ. Изъ всѣхъ угловъ выглядываютъ безобразные лики дьяволовъ и чудовищъ, женщина превращается въ вѣдьму, вселенная производитъ впечатлѣніе дикаго кошмара ужаса и безумія...

Исторія знаетъ двѣ такія эпохи торжества мрачнаго, какъ ночь, убійственнаго пессимизма — конецъ Ренессанса и, такъ называемый, Романтизмъ.

А теперь на наших глазах, въ концѣ XIX и началѣ XX в., протекаетъ третья эпоха ужаса передъ жизнью, третья эпоха господства страшныхъ масокъ и уродливыхъ гримасъ.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и внушена мысль о предлагаемой вниманію читателя работѣ.

Наша задача — описать кошмарное искусство и кошмарную литературу этихъ трехъ періодовъ въ исторіи западно-европейскихъ обществъ.

Такъ какъ большинство страшныхъ образовъ, которыми пользовались писатели и художники Ренессанса и Романтизма, — а нынѣ пользуются Модернисты, — сложились еще въ средніе вѣка, то необходимо остановиться вкратцѣ и на этой эпохѣ, хотя самыя средніе вѣка при всей наличности въ ихъ міровоззрѣніи и искусствѣ элементовъ ужаса были проникнуты скорѣе оптимистическимъ, чѣмъ безнадежно-пессимистическимъ настроеніемъ.

Наша задача — не только описать кошмарное искусство упомянутыхъ трехъ эпохъ, но и объяснить его происхожденіе, вскрыть породившія его социальныя причины.

Отсюда неизбежно вытекаетъ особое отношеніе къ памятникамъ этого творчества. Эти послѣдніе интересуютъ насъ здѣсь не какъ продукты личной фантазіи, а какъ отраженія цѣлой эпохи. Они интересуютъ насъ, какъ явленія социальныя, а не индивидуальная. Читатель не найдетъ поэтому на нижеслѣдующихъ страницахъ всесторонней характеристики отдѣльныхъ писателей и художниковъ. Для насъ цѣнность имѣютъ ихъ произведенія, а не они сами. Не найдетъ читатель въ нашей работѣ и освѣщенія постепенной эволюціи извѣстныхъ темъ и образовъ,

преемственно передававшихся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Этотъ вопросъ, касающійся чисто профессиональной стороны литературы и искусства, также лежитъ внѣ нашего поля зрѣнія. Съ другой стороны, только массовый характеръ произведеній извѣстнаго типа позволяетъ намъ говорить о социальномъ характерѣ искусства и литературы, о художественныхъ произведеніяхъ, какъ отраженіяхъ общественныхъ настроеній, какъ *documents humains*. Вотъ почему мы стремились къ тому, чтобы обставить каждую главу возможно большимъ числомъ литературныхъ и художественныхъ произведеній.

Избранная нами тема въ такомъ широкомъ захватѣ и въ такомъ социологическомъ освѣщеніи ранѣе еще никѣмъ не была разработана.

Единственная работа въ этомъ направленіи, небольшая брошюра Михеля: *Das Teufliche und das Groteske in der Kunst* страдаетъ — при довольно удачномъ, хотя и не исчерпывающемъ подборѣ иллюстрацій — крайнею скудостью содержанія, чрезвычайной неполнотой фактовъ, отсутствіемъ исторической перспективы и социологическаго базиса.

Въ томъ видѣ, въ какомъ эта тема предлагается здѣсь вниманію читателя, она представляетъ, какъ нетрудно убѣдиться, значительный отрывокъ изъ исторіи западно-европейскаго искусства и литературы. отъ среднихъ вѣковъ и до нашихъ дней, въ связи съ социальными причинами, обусловившими собою поэзію кошмаровъ и ужаса.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

(Эпоха натурального хозяйства).



Въ міровоззрѣніи средневѣкового чловѣка было немало мрачно пессимистическихъ элементовъ и, однако, они въ значительной степени уравновѣшивались бодрой и свѣтлой надеждой.

Безпомощный лицомъ къ лицу съ природой, средневѣковой чловѣкъ естественно населялъ вселенную темными силами, управлявшими, по его убѣжденію, жизнью отдѣльнаго лица, всего общества и всего чловѣчества.

Во главѣ этой зловѣщей рати стоялъ — «князь тьмы». —

Всякое зло, съ которымъ средневѣковой чловѣкъ не умѣлъ справиться, которое было сильнѣе его, приписывалось имъ дьяволу.

Когда на общину обрушивался голодъ, когда въ страну вторгался непріятель, когда возникала ересь — всегда виноваты были никто иной, какъ чортъ. Когда у кого болѣли зубы или кружилась голова, когда кто при чтеніи дѣлалъ ошибку или во время пѣнія сбивался съ такта — все было дѣломъ сатаны...

Одинъ нѣмецкій аббатъ написалъ цѣлую книгу, гдѣ добросовѣстнѣйшимъ образомъ перечислялъ всѣ тѣ разнообразныя способы, коими врагъ человѣка и человѣчества «преслѣдуетъ, обманываетъ и издѣвается надъ людьми».

Голосъ дьявола слышался въ воѣ волковъ, въ шипѣніи змѣи, въ грохотѣ бури.

Ubique daemon! — Вездѣ дьяволъ! — восклицаетъ Сальвианъ.

Подобный взглядъ на господство въ жизни темныхъ адскихъ силъ легко могъ стать почвой для сумрачнаго пессимизма, для безнадежнаго отчаянія. И, однако, этого не случилось, и мы потомъ увидимъ, почему этого не произошло.

Въ міроощущеніи и міропониманіи средневѣковаго человѣка, если онъ только не былъ фанатическимъ аскетомъ или экзальтированнымъ отшельникомъ, надежда все же преобладала надъ страхомъ, вѣра въ добро ослабляла и парализовывала ужасъ передъ зломъ.

Средневѣковой человѣкъ былъ скорѣе оптимистомъ, чѣмъ пессимистомъ.

Пусть каждую минуту онъ былъ окруженъ цѣлымъ войскомъ злыхъ демоновъ, они не были для него ужъ такъ страшны. На его защиту вставали рыцари церкви, угодники божьи, великіе мученики. Житія святыхъ изобилуютъ рассказами о томъ, какъ они молитвой, порой однимъ своимъ взглядомъ обращали въ бѣгство самого сатану. Святые освобождали одержимыхъ отъ адскаго навожденія, заступались за грѣшниковъ передъ Всевышнимъ Судьею.

Еще болѣе неустанной и надежной воительницей противъ ада была Марія Дѣва.



Ж. Босхъ: Дьяволъ.

